

ГОНГ

Газета о нашей гимназии

14 ноября 2008 год № 5 (136)

Впечатления лета не кончаются

От редакции

Дорогие друзья! Два учебных месяца пробежали как один день. И уже позади осенние каникулы, в которые состоялось немало интересных поездок: Лондон и Нижний Новгород, Испания и Михайловское, Греция и Болдино, дорогое нашему русскому сердцу Золотое Кольцо и учебно-тренировочные сборы по водному туризму. Всего не перечислишь, но, может быть, расскажешь? Как много интересного можно рассказать на страницах нашего ГОНГа. Вот ведь лето давно позади, а летние впечатления не кончаются. Сегодня мы публикуем рассказ о летней биологической практике на Белом море, интереснейшее повествование о летней компьютерной школе (*так и хочется туда поехать*), размышления о поездке в Ясную Поляну во время летней гуманитарной практики и своеобразные впечатления о Марселе. В следующем номере газеты обещаем вам великолепное «Эссе о поездке в Канаду».

И все-таки, дорогие друзья, хотя читать рассказы о путешествиях и впечатлениях интересно, но при этом нас огорчает то, что в портфеле редакции практически нет материалов о нашей сегодняшней жизни: о наших обидах и огорчениях, о наших радостях и проблемах, одним словом о нашей школьной жизни.

Пишите, дорогие друзья!

Marseille du soir.

Марсель пастель акварель aqua aer elucentes, ультрамариновая (ультрафиолет плюс аквамарин) выдымка (выдумка из дымки), мерцающая бледным изумрудом, возведенная лучистым чудом, сползающая с гор к раздробленному в волнах солнцу, глянцевому, померанцевому солнцу Франции, и на этих же волнах – порт в парусах, как в опавших лепестках, в штрихах дымчатых мачт, зависит от угла зрения, и, когда приближаешься к этому порту в такси по проспектной аорте, нагромождение парусов всех оттенков белизны раскрывается, хотя с горы они казались опавшими яблоневыми лепестками, небрежными мазками на темносине, ослепительнобирюзовости, глазуrolазури, шевелящей у подножий скал светотенями, схваченными сквозь световоздушную призму, как сияние импрессионизма; весь город – поэма, пена вокруг скал – в рифму пене азалий, малиновым плеском устлавших уступы и стены домов, проспект – двустышье платанов в жаркой дневной позолоте или строка электрической ржави в радужных сумерках, повторенье и продление солнечного бесконечного столба в живом моремуаре – как у Ренуара, калейдоскоп оранжевых мазков, и вот то облако в померанцевых глянцевах протуберанцах покажется портретом Самари, а сам город – рыжей туманностью Андромеды из игольчатых фонарных звезд, когда плывешь на оторвавшейся звезде ночного корабля, или вот еще рифма пространства: как тающий узор платанной кроны, такой же нежно-дымчато-зеленый, расцвел купол на горе, отраженный и в лаковых куполах ла-ла-ла фонтанов, и смесь каштанов и кафешантанов в резаных тенях и душном цвете – развитие улично-архитектурной аллитерации текстур, и когда возведешь глаза –

павлинье пестроцветие, январная рябь, пух райской птицы, переломленные острием алмаза хребты солнечных лучей, многослойный воздух, многослойное небо, многослойный город, осыпающийся со слоистых гор в морского с просинью цвета каракуле олив и кипарисов –

а ночью вторят бархатным темнотам (темно там, тем нотам, тем но там) темноты оливковых круговоротов лунных бликов на податливых волнах, и луны фонарей

набережной откликаются им, завершая катрен света и павлиньей ночи –

Марсель сначала нарисован быстрым и грубым карандашом, и эти контуры заполнены краской, и места ее сгущения остаются мутными фотографиями в воспоминаниях: питоннокожий ствол платана; листья, написанные быстрой легкой кистью; прохожие; полосы на маркизах; афиши край со штукатурки слизан; в кафе – меню, начертанные мелом; рекламные неоновые стрелы; в спускающейся дребезжащей ночи все это взять со зрительных обочин я вряд ли смог бы: разверзся бисерно-брильянтовый пожар огней Марселя с пульсом пестрых фар, и в этой череде карминовых или сусальных двоеточий – тысячеточия гирлянд, как в сини вечера – тусклые мириады звезд (в городе – рассыпанные по темному смятому листу ландшафта, в его небесном отражении – по темнокрылому бархату) –

он вырос поперек пути от Ниццы до Перпиньяна – дымкой, и остался в памяти – снимком, таким, как он загородил горизонт, подобрав к ногам солнечнорябой понт и раскрыв туманящийся купольный зонт в кружеве крон над собой –

разгадка ребуса улиц, эпифор солнценагретых путей (конец каждого упирался либо в церковь на выточенной из облака вершине, либо в обрезанный пристанью край моря) и лабиринтов лестниц в пестрой пене клумб отняла почти целый день, и, когда уже струилась сирень вечера, выпукло проклевывался обрезаю луны, так что можно было по чересполосице ее ртути и тонких теней изучать селенографию, я нашел дорогу –

влажный перламутр устриц и темные зеркала рыбьих тел, сложенных на прилавках вдоль пристани, драпированной мореароматными сетями в морецветных водорослях –

доносящий море всем органам чувств (соль – вкусу, брызги – осязанию, солнечную пыль – зрению, запах устриц и рыбы – обонянию, сапфировый грохот – слуху) ветер вздымает паруса мокрой одежды на бельевого веревке и вползает полотняным пузырем под скатерть, вертится в мачтах и зонтиках над столиками мороженщиков, ощупывает со звуком ливня прорисованные по ослепительному фону деревья – шатры жаждущей зелени –

и возносящаяся золотая статуя, ветрообтекаемая, вонзающаяся в раззолоченное облако, как маяк в моих странствиях, над перепутанными путями, -

в облупленную синеву крашенные лодки с вялым флагом на облупленном лаке klokkочущей глади, черночугунные грибы пристани, змеиные кольца канатов, а вечером – змеи в море –

течение прохожих в многогласии – немо, и каждый из них – немо, безликие громоздящиеся мазки, краски, маски –

тающий пейзаж, вермильонные миллионы корабельных фонарей, твердый vert d'eau дерев, violets violons - виолы Эола, которыми веет лилово (лилововет, лиловееет) ночь – и – он теперь распахивается мне мозаикой многоцветья пятен солнечного света, которые оживают не под пером прозаика – под пером поэта, раскрывается в сложной перспективе воспоминания, как раскрывался тогда, над горизонтом, столичный, стоустый, с аргусовым множеством глаз по всему своему плывущему над бутылочным стеклом моря телу, гекатонхейрический, с многолокотными лапами улиц и многоперстыми ладонями плещущих площадей, в единой музыкальной теме, в каштанном кружеве, в цветах, хранящий стынувшее время в архитектуре и садах, аквариаллюминированный, как морская колыбель, воздушная трель, калейдоскопная карусель –

- Взгляду предстанет все в зыбких тонах акварели,
- В легком, глубоком и изумрудном цвету.
- И, начиная опять сонета сквозистое тело,
- Свет тусклых звезд до краев зальет темноту.
- И, помню, от кружева крон мимо листья летели,
- Улицы дымные плыли – имен теперь не прочту, -
- И морецветные запахи солнцем вечерним теплели,
- Ветер играл смарагдом их налету.

- Золотом влажным все ясно и чисто горело:
- Блики заката и строки огней на мосту...
- Эхо толпы почти что отшелестело
- В бархатно-лунную уличную пустоту.
- Имя хранит памяти колыбель:
- Марсель.

Путешествие в Ясную Поляну

Magna nominis umbra.

Тень великого имени.

Так в своё время Лукан отозвался о Помпее.

Наверное, все экскурсоводы на свете влюблены в то место, о котором они рассказывают всю свою жизнь, в того человека, который на этом месте жил пусть, как и Достоевский, какие-то первые 16 лет жизни. А если человек родился в этом месте и прожил почти безвыездно в нём всю свою жизнь, то и любовь к нему рассказчиков пропорционально с этим возрастает до невероятных размеров. С нашим экскурсоводом, видимо, произошла такая же влюблённость всей жизни, а объектом стал Лев Николаевич Толстой, тень которого витала на каждой аллее и виднелась у каждого пруда.

Прочитав какие-то произведения Толстого из всего многообразия, написанного автором, со всего света в Ясную

Поляну приезжают многие почитатели творчества, желая поближе узнать жизнь автора великих произведений, за всю свою творческую жизнь создавшего их около 200. В день нашего посещения «весь свет» представляли американцы и японцы, помимо которых, разумеется, в усадьбе присутствовало подавляющее количество наших соотечественников. Были там, правда, ещё и 4 свадьбы, но их участники приехали в имение явно не ради классика русской и мировой литературы. Нам повезло несколько меньше, поскольку о Толстом мы имели менее отчётливое представление: портрет Толстого, я думаю, видел каждый, также, наверное, читал пару-тройку рассказов, может, начал читать «Войну и мир», но всё равно такое скудное количество информации не может помочь составить какое-либо полноценное представление о творчестве писателя. А потому познавать гений личности пришлось со слов экскурсовода без всякой предварительной подготовки, к сожалению, наша рассказчица об этом не догадывалась, и рассказ свой строила в виде дополнения к нашим гипотетическим знаниям, рассчитывая на наши глубочайшие познания жизни и творчества Толстого. Что самое поразительное, заблуждение в наших глубочайших познаниях осталось у экскурсовода на протяжении всей экскурсии и не покинуло её после прощания с благодарными слушателями.

Погружение в Толстого началось на железнодорожной станции, а точнее в музее, находящемся на этой станции, экскурсовод которого была, по все видимости, больше занята разногласиями с железнодорожным начальством, чем Толстым и Ясной Поляной, тем более. Добрая половина рассказа была посвящена основанию музея, бывшему главе железной дороги, Фадееву, что лично мне вдвойне приятно, который и буфет открыл, и с музеем не воевал, не то, что нынешний. Несмотря на более важные жизненные проблемы, нам всё-таки рассказали о борьбе Толстого со строительством железнодорожной станции, потом о его примирении со станцией, показали дорожные плащи и перчатки, трости и саквояжи, предшественников светофоров и сигнальные флажки, карту железной дороги и сигнальный колокол, телефон и телеграф и многое другое, имевшее отношение к прошлому железной дороги и немного к Толстому. В том музее некоторое возмущение общественности вызвала убедительная просьба надеть бахилы, интересно при этом, что, похоже, разницы между использованными и новыми бахилами в музее не признавали, что несколько объясняло внешний вид предлагаемых пар.

Особенного внимания заслуживает автобус, используемый, видимо, уже в течение нескольких десятков лет, а потому несколько потерявший свой когда-то, возможно, презентабельный вид. Невообразимый восторг он вызвал у американцев, ехавших с нашей группой на нём к имению: они фотографировали его снаружи и с ещё большим восторгом снимали неописуемые рытвины на дороге, заслуживающие отдельного описания, правда, на обратном пути их радость несколько поуменьшилась, поскольку сидели они уже не спереди, а сзади, и те рытвины видели уже не из окна, а ощущали на себе.

Несмотря на чудо техники, мы всё-таки доехали до Ясной Поляны, причём довольно быстро, что казалось удивительным. Абсолютно уверенный в наших знаниях экскурсовод встретила нас около башен, составляющих

компанию воротам в усадьбу. Рассказ свой она начала с рассказа о дедке по матери, Волконском, который, получив от своего отца эту усадьбу, начал её облагораживать: замышлял грандиозное строительство и разбил несколько парков. Им был посажен Верхний липовый парк во французском стиле, которому свойственен точный расчёт и искусственная посадка деревьев и Английский парк, со свойственными этому стилю разными породами деревьев, посаженными под стиль леса – никакого расчёта и контроля за растениями, также был заложен и Средний парк, любимое место гуляния женской половины дома. Вместе с парками был основан и каскад прудов – Верхний, Средний, на котором была основана купель, и Нижний, правда, Верхний засох ещё при жизни основателя. Многие из окружения Толстого перекочевало из его памяти на страницы его произведений – многое из этих мест, по уверению нашего экскурсовода, описано в романе «Война и мир» при описании имения Лысые Горы.

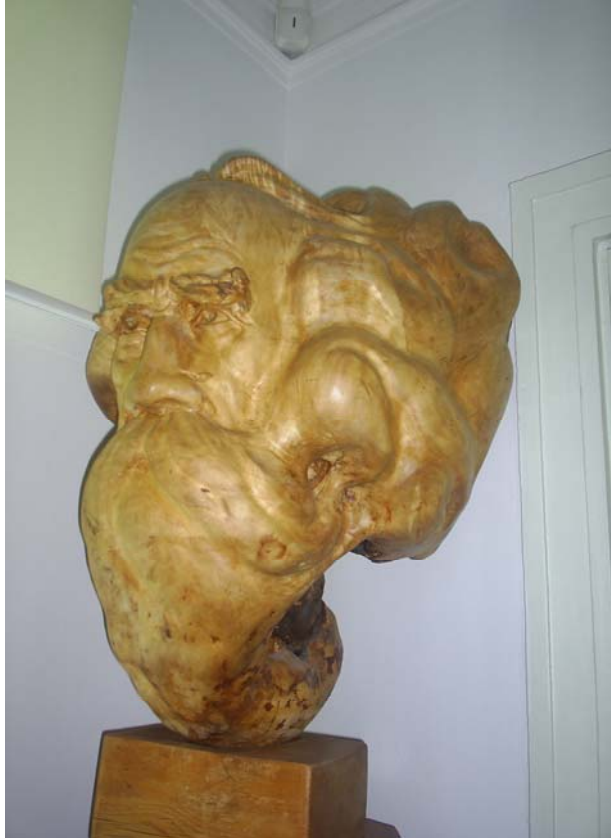

Строительство Николай Сергеевич затеял и вправду грандиозное: большой барский дом был окружён двумя пристройками, жаль, конечно, что к нашему приезду главное

здание уже было продано для получения денег, на которые должен был издаваться солдатский журнал, поэтому нам остались только 2 пристройки, в одной из которых Толстой вообще никогда не жил.

В одной из них сейчас располагается литературный музей, экспозиция в котором постоянно меняется: в наш приезд там размещались какие-то особенные иллюстрации к роману Толстого «Война и мир». Это посещение было особенно занимательным - ещё бы, мы ведь ни одной иллюстрации не видели, но лицезрели их все с видом как минимум знатоков.

Во втором здании, отягощённом четырьмя пристройками, чтобы разместить немалое семейство Толстого, 8 детей и 36 внуков, которое, разумеется, не всё время жило в имении, но иногда всё-таки собиралось в нём в полном составе, как и в первом нам уже не предлагали бахилы, как в музее на станции Козлова-Засека, вместо них были незабываемые тапочки размера, наверное, пятидесятого, которые остались одним из самых ярких воспоминаний, особенно при спуске и подъёме на лестницы. Эта постройка получила гордое название Яснополянского дома, главной достопримечательностью которой при этом помимо, разумеется, подлинных вещей, из которых, по всей видимости, дом и состоит, стал вечно кочующий с одного этажа на другой, из одной комнаты в другую кабинет писателя. Где он только не был: и наверху, и внизу, и под колоннами, в котором в неизменной тишине творил Толстой, а его верная жена, с 18 лет живущая в Ясной Поляне и рожаящая и воспитывающая 8 детей Толстого, была неизменным секретарём, переписывающим по несколько десятков раз практически нечитаемые рукописи мужа. Ещё при жизни Толстого Софья Андреевна издала больше 5 редакций его сочинений, она ездила к императору и выбивала возможность напечатать какие - то из запрещённых цензурой произведения.

Везде, в каждом зале, уголке и закутке дома стояли, разумеется, подлинные вещи, о чём нам умудрились напомнить практически в каждом из миниатюрных помещений, что, похоже, навсегда останется в памяти слушателей.

Противоречивость личности Толстого раскрылась передо мной именно в этом доме - безумно увлечённый преподавательской

деятельностью вдруг закрывает

школу, обиженный на наветы соседей, да и к тому же, какая уж крестьянская школа, когда её главный создатель женился. Толстой не любил фотографироваться и позировать художникам, а Репин написал какое-то невообразимое количество его портретов, в одной Яснополянской зале - 2 его портрета, также огромное число его изображений: и фотографии, и портреты, и скульптурные изображения. То он безвылазно сидит в кабинете, никуда не выезжая и принимая в доме, как в императорской резиденции, на правах практически властителя почитателей со всего света, то вдруг сам спускается к гостю и разговаривает с ним до раннего утра, к тому же и селит его в непосредственной близости от святыни - своего кабинета.

Свою противоречивость Толстой продемонстрировал и в связи со своей последней волей - человек, бережно хранивший вещи, доставшиеся от предков и молящийся на серебристые тополя, посаженные его матерью, пытаюсь в них увидеть подобие столь дорогого ему образа, почитая духовную сторону личности матери, добровольно вышедший из лона церкви, сам определил место своего погребения. В том месте, где множество времени он искал волшебную палочку, способную сделать всех людей на земле

счастливыми, Толстой завещал похоронить себя. На его могиле, ставшей зоной тишины, по его желанию не установили памятника, памятником ему служат живые цветы, украшающие это место, и нескончаемый поток китайцев, фотографирующихся на её фоне часа по полтора.

Красота имения Толстого, скорее всего, во многом повлияла на развитие литературного гения автора: при взгляде на величественную природу, где-то на горизонте касающуюся не менее величественного неба, и в то же время на бытовые подробности жизни ощущаешь себя вполне способным к написанию, наверное, не 200, но по крайней мере одного-двух великих произведений.

Удивительно, как в Ясной Поляне совмещаются очарование типичных обитателей двора, бесконечных собак и кошек, красавиц лошадей, драчливых гусей, и, кажущиеся недостижимыми для человека дали, при взгляде на которые взор успокаивается и в полузабытии блуждает по вершинам деревьев и кустов, обозревает где-то практически за горизонтом нескончаемые луга и поля, причудливые, тенеобразные облака, перекликающиеся с ослепительно голубым небом...

Есть всё-таки что-то неопишное, непередаваемое словами в этом месте, притягивающем ежегодно тысячи туристов со всех уголков мира, людей, которые пытаются постичь тайну гения Толстого, творившего здесь около 100 лет назад, но познать тайну его личности до конца так и не удастся никому, а свою душу автор, наверное, приоткрыл в своих книгах, которую будущим читателям ещё предстоит изучить и попытаться понять.

Фадеева Марина, 10г

Летняя компьютерная школа

Этим летом почти все ученики нашего математического класса поехали в Летнюю Компьютерную Школу. Получилось

так, что все мы попали в смену ЛКШ-Николаев, проходившую на берегу Чёрного моря с 10 по 30 июля.

Занятия в летней школе проводили преподаватели нашей гимназии, поэтому

это мероприятие можно смело назвать Летней Математической Практикой.

Многие из учеников нашего класса поехали в ЛКШ не в первый раз, для меня же этот летний лагерь был первым пробным шагом в поездках такого рода.

ЛКШ-2008 началась возле Курского вокзала около шести часов вечера 9 июля. Именно тогда радостная толпа, состоявшая из сотни ребят с портфелями и нескольких десятков учителей с дорожными сумками, превратилась в организованный отряд людей, объединённых

общей идеей. Именно здесь директор смены ЛКШ-Николаев, Гуровиц Владимир Михайлович, сделал своё первое обращение к ЛКШатам. Правда, речь его тогда касалась, в основном, организационных моментов, связанных с дорогой. А дорога, длившаяся 30 часов, показалась нам нелёгкой! В пути все развлекались, как могли: ребята знакомились друг с другом, кто-то организовал шахматный клуб, другие дети играли в «мафию», учителя готовились к смене... Кстати, первое занятие нашей параллели (впоследствии оно почему-то называлось нулевым) прошло именно в поезде. Посвящено оно было системам счисления, материалу, известному каждому ученику математического класса нашей гимназии, поэтому не показалось мне сложным. Но всё по-настоящему интересное было ещё впереди.

На базу отдыха «Флуераш», где нам предстояло провести 20 дней, мы приехали в первом часу ночи. А ведь ещё предстояло обосноваться на новом месте! Всю первую ночь учителя отделения математики и программирования оборудовали компьютерные классы и другие учебные помещения.

И потекла жизнь ЛКШат своим чередом... Подъем в 7:45. Далее - линейка, обязательные занятия спортом. К слову сказать, в плане спорта «Флуераш» был на высоте: имелись столы для настольного тенниса, футбольное поле, волейбольная площадка и

качественный спортивный инвентарь. Затем завтрак - в местной столовой, уборка комнат, и - четыре часа обязательных занятий. Занятия проходили в специально оборудованном учебном корпусе, а также на свежем воздухе. После занятий мы обедали, затем наступал тихий час. Дополнительные

занятия после тихого часа были разнообразны: многие шли на спецкурсы, т.е. дополнительные лекции о различных интересных областях математики и программирования. Ученики параллелей программирования шли в «комповники» на дорешивание задач. Обязательный поход на море после обеда имел место каждый день, а желающие шли на пляж ещё и вместо утренней зарядки. В течение двадцати дней школы у нас было два выходных – мы ездили на экскурсии в город-порт Одессу и в г. Николаев.

Вечер в лагере – особое время. После ужина почти каждый день организаторы Школы устраивали различные мероприятия. Парад параллелей и торжественное открытие десятой, юбилейной летней компьютерной школы состоялись в первые же несколько дней. По вечерам проходили различные интеллектуальные игры, иногда дискотеки. В конце смены, перед самым её закрытием,

были поставлены и представлены два мюзикла – постановка ребят и спектакль учителей. Оба мероприятия прошли на высоком уровне и были по достоинству оценены всеми зрителями.

В конце Летней Компьютерной Школы традиционно прошли экзамены, позволившие ученикам обобщить и закрепить пройденный материал. На закрытии школы всем ученикам, успешно сдавшим экзамены, был выдан диплом. Теоретический экзамен учеников параллелей программирования – мой теоретический экзамен – проходил уже в поезде, увозящем в сырую и прохладную Москву сотню учеников и несколько десятков учителей, навсегда сохранивших тёплые воспоминания об июле 2008 года.

Сендерович Никита, 9В

...Куда ж нам плыть, как не в Чупу

Стучи, машина! Курс норд-вест!

Чупа вовек не надоест,

Чупа - столица наших мест, -

Д.Сухарев

Белое море! Вы даже не представляете себе, какие красоты мы там видели! Вот, например, сидишь на берегу моря, на камне каком-нибудь, смотришь вдаль, и кажется, что это совсем не море, а озеро, и виден противоположный берег... А на самом деле, это многочисленные беломорские острова, тянущиеся по всему горизонту. Вокруг тебя много сосен, фиолетово-цветущего вереска и сладкой черники. А если пройти чуть дальше от моря, то чувствуется запах багульника. Под ногами мягкий мох или лишайник и снова

черника. Такого нигде не увидишь, кроме как на Белом море...

"Мы находимся в Кандалакшском районе Мурманской области, в ущелье между горами Средняя и Железная", - так начинался наш геоботанический отчет на Кандалакшских сопках. Целый день пути до места

стоянки. Позади многочисленные болота, километры троп, миллионы бродов через ручьи, тучи комаров, литры размазанных по себе репеллентов... Под вечер всех уставших и замученных Дарья Владимировна подбодряла песнями из мультфильмов и сказками. И вот, наконец, дошли! Первым

делом - костер и чай. Вторым - палатки. Третьим - спать. А рано утром уже отправились на войну с ветром и комарами. Подтвердили на себе любимую байку "Летят два комара над Кандалакшей, несут туриста. Один другому говорит:

- Ну что, здесь будем есть, или к Лувеньгам полетим?

- Давай лучше здесь, на Лувеньгах большие комары отнимут!"

эпизод 1

«кажется, дождь собирается?!»

Отряд биологических девочек, возглавляемый Дарьей Владимировной Суховой, двигался по литорали... Шли бодро

- все-таки приятно размяться после двухсуточного пребывания в несущемся по рельсам железном ящике. Под ногами звонко хрустели ракушки и хлюпала оставленная отливом «няша».

Биологам повезло, ибо ветер дул с моря, а значит, на ближайшие несколько часов о комарах, встреча с которыми была одним из наиболее запомнившихся событий, можно забыть. Несмотря на то, что солнце светило по-прежнему ярко и свет, отраженный морскими волнами, также по-прежнему слепил глаза, небо потихоньку затягивалось ленивыми и мягкими тучами, которые, может, было бы приятно наблюдать из окна загородного дома или поезда, но поскольку никаких домов в жизни биологов на ближайшее время не предвиделось, то Дарья Владимировна скомандовала «стоп!», и биологические девочки, сбросив рюкзаки и плюхнувшись на землю, с энтузиазмом принялись натягивать резиновые сапоги и плащи. А дождь, кажется, вовсе не спешил начинаться. Плащи были скомканы и брошены обратно в рюкзаки.... Первые капли упали нам на носы, застав врасплох, но не тут-то было: опытный биолог, как пожарный, способен за считанные секунды облачиться в свою амуницию, и как ни в чем ни бывало шлепать по лужам в резиновых сапогах. Но в тот день на наше биологическое счастье дождь так и не собрался, ограничившись лишь парой капель. Наверное, так Белое море смеялось над нами, биологами...

эпизод 2

«райский остров или собака под химзой»

Очередная высадка на очередном острове с целью проведения очередной ботанической экскурсии.

Солнышко светит, море спокойное... Разве что птички не поют. Как обычно - первый вопрос при встрече биолога с новым растением - «а это можно есть?». Можно или нельзя - какая разница! Так или иначе, ничего съедобного после биологов на той полянке не осталось... Этот остров был

райским, очень маленьким и уютным... Но, видимо, Белому морю не понравились биологи, нагло развалившиеся на полянке и, как козы, щиплющие дикий горох... Нет, никакого грома среди ясного неба, конечно, не было. Просто на полпути к спасжилету, оставленному мною рядом с лодкой, у меня вдруг возникло ощущение, что мне на голову вылили ведро воды и одновременно с этим запустили в аэродинамическую трубу. Через пару минут, мы, промокшие насквозь биологи, стуча зубами, спускали лодку на воду. Забираясь в лодку с ловкостью мокрой курицы, я, конечно же, зачерпнула сапогом морской воды и с удивлением обнаружила, что она просто теплая по сравнению с ледяным дождем, который так беспощадно хлестал в лицо. Биологи расселись по бортам, прижавшись боками друг к другу, как

пингвины, пытаюсь хоть немного согреться.

Рюкзаки и собаку Зайку бросили в нос и накрыли химзой - пусть хоть кому-то будет тепло и сухо...

Наконец, мы прибыли. Кое-как, с веслом и рюкзаком я выбралась на берег,

где нас, мокрых биологов, уже встречали и помогали разгружаться. Торжественно приняв весло из моих рук, С.М. спросил: «Тепло ли тебе, девица?» На что я, глянув исподлобья, ответила: «Д-да» и отправилась, хлюпая водой в сапогах, развешивать носки у костра...

эпизод 3 – «гранаты!»

«Гранаты!» - кричали биологи и ударяли камнем о камень, пытаясь добраться до багровых вкраплений в булыжнике. В каждом биологе проснулось что-то от гномов, тех самых, которые ищут золото в своих подгорных царствах. Все собирали гранаты и раскладывали их по карманам. Кто-то просто собирал куски породы с наиболее крупными гранатовыми вкраплениями, некоторые искали чистые гранаты, лежащие просто на земле, иные подошли к делу основательно, подбирая наиболее тонкие камни, которые нетрудно расколоть. Так или иначе, гранатовый путь биологов можно было без труда проследить по осколкам камней...

эпизод 4 – «отвал»

В тот день отмечали сразу два события - окончание практики и день рождения С.М.

Вооружившись кружками,
под хор комаров,
биологические девочки
отправились собирать чернику.
Ягод было мало, а комаров
много, поэтому скоро,
возвратившись из очередного

черничного рейда, многие, держась за поясницу, с возгласом «ох!» тяжело опустились на бревно у костра. Спасти от подневольного сбора черники могло только чудо, которое вылилось дождем прямо на головы радостных биологов...

К вечеру все же выглянуло солнце, видимо Белое море решило сделать нам прощальный подарок - одновременно появились две радуги - одна над морем, вторая - над нашими головами.

Воробьева Евгения, Минеева Татьяна, 10Г